

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ) РАН

На правах рукописи

Волков Александр Викторович

«КЕЛЕЙНЫЙ ЛЕТОПИСЕЦ» ДИМИТРИЯ РОСТОВСКОГО:
ИСТОЧНИКИ ТЕКСТА И ПРИНЦИПЫ РАБОТЫ АВТОРА

Специальность 10.01.01 – русская литература

Автореферат диссертации
на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Санкт-Петербург

2022

Работа выполнена в Отделе древнерусской литературы ФГБУН Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Научный руководитель:

кандидат филологических наук **Федотова Марина Анатольевна**

Официальные оппоненты:

Калугин Василий Васильевич,

доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Отдела лингвистического источниковедения и истории русского литературного языка ФГБУН Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Вознесенский Андрей Владимирович,

доктор филологических наук, заведующий сектором старопечатных книг ОРК РНБ

Ведущая организация:

ФГБУН Институт филологии Сибирского отделения РАН

Защита состоится 19 сентября 2022 года на заседании диссертационного совета Д 002.208.01 при Институте русской литературы (Пушкинский дом) РАН по адресу: 199034, г. Санкт-Петербург, наб. Макарова, д. 4.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке и на сайте ФГБУН Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Автореферат разослан « ___ » _____ 2022 г.

Ученый секретарь диссертационного совета

доктор филологических наук

Петрова Галина Валентиновна

В обширном литературном наследии Димитрия Ростовского (1651–1709) особое место принадлежит «Келейному летописцу». Этому сочинению, активную работу над которым святитель вел в последние два года жизни, трудно дать однозначное жанровое определение: представляя собой комментированное изложение библейской истории, оно создано с несомненной опорой на образцы западноевропейской экзегетики; отразилась в нем и хронографическая традиция – как западноевропейская, так и славянская; отчетливая дидактическая направленность «Келейного летописца» сближает его с проповедями святителя, с которыми прослеживаются текстуальные совпадения; регулярно встречаются в нем и отсылки к житиям святых, что явилось отражением агиографических трудов Димитрия Ростовского. В «Келейном летописце» так или иначе нашли отображение важнейшие темы, к которым святитель обращался в ходе своих ученых и писательских занятий.

Основу «Келейного летописца» составляет изложение глав 1–32 Книги Бытия, снабженное многочисленными толкованиями малопонятных мест Библии и пространными нравоучениями. Кроме того, с определенного момента в повествование включается так называемая «история внешняя» – изложение истории государств Древнего Востока и античной мифологии, также снабженное обширными нравоучениями. Открывается «Келейный летописец» разделом о сотворении мира. Далее следует хронология событий библейской истории от сотворения мира до Рождества Христова, где указывается на расхождения между различными хронографическими источниками. Затем начинается изложение библейской и «внешней» истории, разбитое на разделы, каждый из которых охватывает период в сто лет. Повествование доведено до событий шестого века четвертого тысячелетия от сотворения мира; разделение истории на церковную и «внешнюю» начинается в восьмом веке третьего тысячелетия. Кроме того, в тексте «Келейного летописца» встречаются многочисленные сопоставления

ветхозаветных и новозаветных событий, отсылки к житиям святых, выдержки из писаний Отцов Церкви.

Название «Келейный летописец», утвердившееся в последние десятилетия, является в значительной мере условным. Дмитрий Ростовский в письмах в основном называет это сочинение просто «Летописец» или «Летопис», иногда — «Летописание». Определение «келейный» появляется в прижизненных списках (РНБ, собр. А. А. Титова, № 957; ГИМ, Синодальное собр., № 53). В исследовательской практике укоренилось заглавие «Келейный летописец»; к этой традиции присоединяемся и мы.

О том, что при создании «Келейного летописца» Дмитрий Ростовский использовал различные источники, главным образом западноевропейские, ростовский митрополит сам неоднократно сообщал в своих письмах. Кроме того, в упомянутых авторизованных рукописях памятника в изобилии встречаются маргинальные ссылки на источники, отличающиеся исключительной подробностью. В силу этого за «Келейным летописцем» закрепились репутация произведения, имеющего сугубо компилятивный характер.

Уже в XIX в. в работах о Дмитрии Ростовском перечислялись отдельные авторы, чьи сочинения использовались при создании «Келейного летописца».¹ Однако эти перечисления выглядят довольно произвольными и свидетельствуют о том, что, сопоставлением «Келейного летописца» и его источников исследователи не занимались.

В первой отдельной работе о «Келейном летописце», принадлежащей В. В. Калугину, основное внимание уделено истории создания памятника и его восприятию современниками.²

Существенный вклад в изучение «творческой лаборатории» Дмитрия Ростовского внесла Л. А. Янковская. В своей докторской диссертации

¹ Святой Дмитрий, митрополит Ростовский. М., 1849. С. 58; *Шляпкин И. А.* Св. Дмитрий Ростовский и его время. СПб., 1891. С. 424

² *Калугин В. В.* «Келейный летописец» Дмитрия Ростовского // *Альманах библиофила.* М., 1983. Вып. 15. С. 160–174.

«Литературно-богословское наследие святителя Димитрия Ростовского: восприятие иезуитской науки XVI–XVII вв.»³ исследовательница представила описание книг католических богословов из келейной библиотеки ростовского митрополита, в ряде случаев указав на заимствования из этих сочинений в творениях святителя, в том числе в «Келейном летописце». Несколько статей она посвятила отдельным источникам «Келейного летописца» (главным образом сочинениям польских авторов).⁴

Связями «Келейного летописца» с западной традицией занималась итальянская исследовательница Дж. Броджи Беркофф.⁵ В своих работах она выстроила ряд типологических параллелей между «Келейным летописцем» и сочинениями западноевропейских теологов и историков, а творческий метод Димитрия Ростовского охарактеризовала как сугубо компилятивный, состоявший в механическом соединении материала, заимствованного из чужих сочинений.

Изучение рукописной традиции (в статьях А. А. Титова,⁶ Л. А. Янковской,⁷ Н. Д. Игумновой⁸) «Келейного летописца» также

³ Янковска Л. А. Литературно-богословское наследие святителя Димитрия Ростовского: восприятие иезуитской науки XVI–XVII вв.: Дисс. ... д-ра филол. наук. М., 1994 // РГБ: OD 71 95-10/21-1. Рукопись, 337 л.

⁴ Jankowska L. A. Latopis celejny św. Dymitra Rostowskiego wobec biblijnej historiografii protestanckiej (Chronologia Jana Funka I inne źródła) // Biblia w literaturze I folklorze narodów wschodniosłowiańskich. Roczniki humanistyczne. Tom XLIV, zeszyt 7. 1996. S. 7–35; Янковска Л. А. Проповеди краковского каноника Яцека Либериуша как источник сочинений св. Димитрия Ростовского (одна из ошибок И.А. Шляпкина) // История и культура Ростовской земли. Материалы конференции 1996 г. Ростов, 1997. С.148–154; Янковска Л. А. «О Руси, отколи Русь почалася» в «Книге Житий Святых» и в «Летописе Келейном» святителя Димитрия Ростовского (к вопросу о польских хрониках как об одном из источников) // История и культура Ростовской земли. 1997. Ростов, 1998. С. 179–185.

⁵ Brogi Bercoff, G. The 'Letopisec' of Dimitrij Tuptalo, the Metropolitan of Rostov, in the context of Western European culture // Ricerche slavistiche. R., 1992/1993. Vol. 39/40. P. 293–364; Броджи Беркофф Дж. Аспекты русской историографии XVII – начала XVIII в. в европейском контексте // ТОДРЛ. СПб, 2003. Т. 54. С. 211–219.

⁶ Титов А. А. Келейный летописец св. Димитрия, митрополита Ростовского. Синодальная рукопись XVII века (Палеографическая заметка) // Библиографические записки. 1892. № 6. С. 397-401.

ограничивалось частными наблюдениями по поводу отдельных списков памятника. Изданиям «Келейного летописца» исследователи почти не уделяли внимания.

Таким образом, в научной литературе за «Келейным летописцем» закрепились репутация компилятивного сочинения, основанного на многочисленных источниках. Круг этих источников был обозначен только в самых общих чертах; перечислялись авторы источников, причем без указания степени влияния, оказанного ими на «Келейный летописец». Неоднократно упоминалось об особом влиянии на Дмитрия Ростовского сочинений Корнелия а Лапиде, но в чем именно заключалось это влияние, не раскрывалось. Об обращении Дмитрия Ростовского с заимствованным материалом говорилось либо на основании самых общих наблюдений, либо напротив, в связи с единичными частными сюжетами.

Цель настоящего исследования состоит в определении а) источников «Келейного летописца», б) принципов, которыми руководствовался Дмитрий Ростовский при работе с ними, в) особенностей функционирования заимствованного материала в тексте памятника, что позволит установить, ограничивалась ли роль Дмитрия Ростовского как автора «Келейного летописца» сведением воедино фрагментов из текстов источников, или же заимствованный материал подвергался более основательной переработке в соответствии с авторскими замыслами. Иными словами, для нас важнее было не установить сами факты заимствования, но показать, какой трансформации подвергались эти заимствования под пером Дмитрия Ростовского и какие функции они приобретали в «Келейном летописце».

Соответственно заявленной цели определяются и **задачи** исследования:

⁷ Янковска Л. А. «Летопис келейный» св. Дмитрия Ростовского из коллекции А. А. Титова в библиотеке Высшей духовной семинарии в Люблине // История и культура Ростовской земли, 1994. Ростов, 1995. С. 27–36.

⁸ Игумнова Н. Д. Рукопись «Келейный летописец» Дмитрия Ростовского в фонде Зональной научной библиотеки Иркутского государственного университета // V Макушинские чтения: Тезисы докладов Новосибирск, 2000. С. 42–44.

- проследить историю создания «Келейного летописца», его дальнейшее бытование в рукописной традиции и издательской практике;
- точно выявить западноевропейские латиноязычные источники «Келейного летописца» – конкретные западноевропейские издания, которыми пользовался Димитрий Ростовский: сочинения теологов, историков, издания энциклопедического характера;
- проследить особенности использования в «Келейном летописце» заимствованного материала в зависимости от тематики: священная история в ее различных аспектах (библейская хронология, генеалогия, этнография, география), история государств Древнего Востока (т. н. «история внешняя»), античная мифология и история, и определить, каким трансформациям подвергался заимствованный материал в каждом отдельном случае, а также установить причины и цели этих трансформаций;
- выявить источники имеющих в «Келейном летописце» цитат и отсылок к писаниям Отцов Церкви и другим сочинениям, изданий которых не было в библиотеке Димитрия Ростовского;
- определить принципиальные сходства и различия между «Келейным летописцем» и сочинениями, послужившими его источниками.

Обозначенными задачами определяется и **структура** работы. В первой главе рассмотрена история создания и бытования «Келейного летописца»; последующие три посвящены крупным тематическим блокам, которые можно условно выделить в «Келейном летописце: библейская история, «внешняя история», античность. Такое деление представляется целесообразным, поскольку прежде всего именно тематикой того или иного фрагмента «Келейного летописца» определялось, к какому кругу и количеству источников Димитрий Ростовский обращался в каждом отдельном случае, как распоряжался заимствованным материалом. Каждая из глав делится на параграфы также по тематическому принципу.

Новизна предлагаемой работы состоит в том, что подобное исследование, в котором комплексно анализируются множественные случаи

использования в «Келейном летописце» обширного круга западноевропейских источников и на основании этого делаются выводы о писательском методе Димитрий Ростовского, предпринимается впервые. Исследование столь крупного и при этом относительно малоизученного сочинения святителя, как «Келейный летописец», обладает несомненной **актуальностью**.

Материалом исследования послужили списки «Келейного летописца» из собрания А. А. Титова, позволяющие составить представление об особенностях рукописной истории этого памятника, в том числе о бытовании ссылок на его латинские источники, а также авторизованный список ГИМ, Синодальное собр., № 53, содержащий наиболее полный и авторитетный текст «Келейного летописца» и наибольшее количество маргинальных ссылок на источники. При описании издательской истории «Келейного летописца» были рассмотрены все существующие печатные издания памятника. Сочинения западноевропейских авторов, послужившие источниками «Келейного летописца», привлекались в изданиях, принадлежавших Димитрию Ростовскому (сохранившиеся экземпляры из его келейной библиотеки хранятся в РГАДА, РГБ и БАН); в тех случаях, когда принадлежавшая Димитрию Ростовскому книга оказывалась утрачена, мы обращались к другим экземплярам тех же самых изданий. Источники на других языках (польском и русском) привлекались к исследованию в тех случаях, когда они использовались в комплексе с латиноязычными источниками.

Методологическую базу исследования составили работы отечественных и зарубежных ученых в области изучения литературы Средневековья. В диссертации применен системный подход: источниковедческий, текстологический, сравнительно-исторический. В основу исследования положены принципы, разработанные Д. С. Лихачевым, А. М. Панченко и другими учеными Петербургской текстологической

школы, предполагающие междисциплинарный подход и комплексное изучение текста.

Практическая значимость результатов исследования состоит прежде всего в том, что они могут быть использованы при подготовке критического комментированного издания «Келейного летописца», полный текст которого никогда не публиковался в печатном виде. Установление источников текста «Келейного летописца» является неременным условием для подготовки научного критического издания этого памятника.

Положения, выносимые на защиту:

1. «Келейный летописец» имеет долгую и обширную рукописную и издательскую историю, однако присутствующие в авторизованных списках маргиналии, в которых содержатся ссылки на источники «Келейного летописца», отразились в позднейших списках памятника с большими сокращениями и искажениями или не отразились вообще, в силу чего западноевропейская богословская и историографическая традиция, повлиявшая на «Келейный летописец», оказалась скрыта для его позднейших читателей.

2. Несмотря на обилие источников, «Келейный летописец» не является механической компиляцией фрагментов чужих текстов: эти фрагменты Димитрий Ростовский подвергал тщательному критическому анализу и сопоставлению, сокращал и компоновал между собой в соответствии со своими авторскими замыслами.

3. Западноевропейские теологические и исторические сочинения выступали для Димитрия Ростовского источниками фактического материала, который он трактовал самостоятельно, не подпадая под влияние авторов этих сочинений, а в некоторых случаях полемизируя с ними, давая заимствованным сведениям трактовку, противоположную той, которой придерживался автор первоисточника (особенно ярко это проявилось при обращении со сведениями, заимствованными из библейских комментариев Корнелия а Лапиде).

4. Сочинения западноевропейских теологов служили для Димитрия Ростовского преимущественно (как в случае с Корнелием а Лапиде) или исключительно (как в случае с Франсиско де Мендосой, Диего де Баэсой, Цезарем Баронием) источником цитат и выдержек из сочинений Отцов Церкви. Собственно же факты, связанные со Священной историей, Димитрий Ростовский заимствовал из сочинений европейских историков (Иоанн Навклир, Иаков Бегамский, Мацей Стрыйковский и др.), а также из латинского перевода «Синописа» Георгия Кедрина.

5. Наиболее авторитетными текстами для Димитрия Ростовского являлись Священное Писание, богослужебные и агиографические тексты, сочинения Отцов Церкви (прежде всего трех вселенских святителей — Василия Великого, Григория Богослова, Иоанна Златоуста), поэтому все фактические сведения по библейской истории, заимствованные из сочинений позднейших европейских авторов, он тщательно проверял на соответствие названным авторитетным текстам, после чего выносил суждение об их истинности или ложности.

6. Несмотря на то, что первоначальным стимулом к созданию «Келейного летописца» послужили изыскания Димитрия Ростовского в области библейского летосчисления, разрешением спорных вопросов, касающихся библейской хронологии, Димитрий Ростовский не занимался, ограничившись их обозначением.

7. «Внешняя история», включающая в себя также античную мифологию, излагалась Димитрием Ростовским на основе сочинений европейских историков XVI—XVII вв.; античные источники («Метаморфозы» Овидия в русском переводе с польского текста-посредника, «Эпитома» Юстина в польском переводе), использовались им эпизодически.

8. Димитрий Ростовский создавал «Келейный летописец» с просветительской и дидактической целью, чем и обусловлен стиль «Келейного летописца», в котором доступность и занимательность повествования соединились с экспрессивностью и патетикой

нравоучительных фрагментов. Эти стилистические особенности отличают «Железный летописец» от его западноевропейских источников, для которых характерно сухое и бесстрастное изложение фактического материала.

Апробация работы. Доклады по теме диссертации были сделаны на международных и всероссийских конференциях: научная конференция Спасо-Яковлевского Димитриева монастыря «Ростов Великий – город великой судьбы» (Ростов Великий, 5 октября 2012), XLII Международная филологическая конференция (Санкт-Петербург, 11–17 марта 2013), VII Международная научная конференция «Комплексный подход в изучении Древней Руси: 1150-летие славянской письменности» (Москва, 17–20 сентября 2013), Чтения по истории и культуре Древней Руси (Чернигов, 10–13 октября 2013), XVII Алексеевские чтения «Личная библиотека и творческая индивидуальность писателя» (Санкт-Петербург, 6 июня 2014), «Неолатинская гуманистическая традиция и русская литература конца XVII — начала XIX веков» (Санкт-Петербург, 28–29 сентября 2015), Конференция молодых ученых «Вопросы славяно-русского рукописного наследия» (Санкт-Петербург, 2–3 октября 2019).

Диссертация состоит из введения, четырех глав, заключения, списка литературы, в том числе списка рукописных и печатных источников.

Основное содержание работы

Во **Введении** представлена краткая характеристика жанровых особенностей «Келейного летописца», его содержания и структуры, изложена историография вопроса об источниках «Келейного летописца», обозначены цели, задачи, структура работы, охарактеризован материал исследования, определена новизна и актуальность диссертации.

Глава 1 «Келейный летописец: замысел, воплощение, бытование» посвящена истории создания памятника, его рукописной традиции и издательской практике. Об истории создания «Келейного летописца» говорится в **первом параграфе**. Интерес к библейской хронологии зародился у Дмитрия Ростовского довольно рано: к 1693 г. относится рукопись ИР НБУВ. Ф. 306 (Киево-Печерская лавра). № 345., в которой на основании выписок из различных историографических сочинений Дмитрий предпринял попытку вычислить точный год рождения Христа. Изыскания в этой области побуждали Дмитрия Ростовского к приобретению и изучению различных сочинений богословского и историографического характера, прежде всего западноевропейских. Безусловно, это стало важнейшей предпосылкой к созданию «Келейного летописца».

Процесс создания «Келейного летописца» хорошо освещен в обширной переписке с монахом Чудова монастыря Феологом, Стефаном Яворским, Федором Поликарповым-Орловым Г. Д. Строгановым. Из переписки выяснилось, что непосредственный замысел «Келейного летописца» сложился у Дмитрия Ростовского к маю 1707 г. К осени того же года была составлена «Хронология», в которой митрополит провел сопоставление датировки библейских событий, предложенной как в русских хронографах, так и в европейских историографических сочинениях, и пришел к выводу о значительном рассогласовании между различными источниками и невозможности разрешить эти противоречия. Активная работа над основным текстом сочинения продолжалась приблизительно в течение года: с декабря

1707 г. по ноябрь 1708 г. В последний год жизни святитель сосредоточился на написании «Розыска о раскольнической брынской вере», однако в конце лета–начале осени 1709 г. он высказывал намерение возобновить работу над «Келейным летописцем»; осуществлению этого намерения помешала смерть.

Димитрий Ростовский обладал крупной личной библиотекой, включавшей в себя значительное количество богословских и исторических сочинений на латинском и польском языках, а также ряд рукописных хронографов на русском языке (в том числе перевод Хроники Псевдо-Дорофея). Однако в процессе работы над «Келейным летописцем» он пополнял свою библиотеку книгами соответствующего содержания. В письмах к Феологу и Г. Д. Строганову он просил о присылке рукописных русских хронографов, а при содействии голландского негоданта Исаака ван ден Бурга приобретал книги на латинском языке. Многие из принадлежавших Димитрию Ростовскому книг сохранились до нашего времени и находятся в РГАДА, РГБ, БАН; однако неразысканными остаются издания таких ключевых для «Келейного летописца» источников, как «Комментарии на Пятикнижие Моисеево» Корнелия а Лапиде, «Синописис» Георгия Кедрина, «Обозрение Святой земли» Христиана Адрихомя. Идентифицировать неразысканные издания помогают маргинальные ссылки в авторизованных списках «Келейного летописца» (ГИМ, Синодальное собр., № 53; РНБ, собр. А. А. Титова, № 957), а также составленный самим Димитрием Ростовским список имевшихся у него исторических сочинений (РГАДА, БМСТ, № 339.).

Рукописной традиции «Келейного летописца» посвящен **второй параграф** первой главы. Качество существующих списков «Келейного летописца» различно: от авторизованных рукописей, к которым приложил руку сам Димитрий Ростовский, до списков, сделанных с печатных изданий. Срез рукописной истории «Келейного летописца» представлен в собрании А. А. Титова, в котором нами выявлено 53 списка памятника.

Димитрий Ростовский имел обыкновение в рукописях своих сочинений указывать на полях источники заимствованного материала, причем с исключительной подробностью, обозначая, на какой странице и даже в каком столбце находился использованный им фрагмент текста. На многие сочинения, к которым Димитрий Ростовский не мог обратиться непосредственно (прежде всего, писания Отцов Церкви), он ссылался по трудам более поздних европейских богословов, приводивших цитаты из них. В таких случаях Димитрий Ростовский всегда указывал непосредственный источник цитаты или ссылки. Наиболее подробны маргиналии в списке ГИМ, Синодальное собр., № 53. Менее многочисленные и подробные ссылки содержит в себе список РНБ, собр. А. А. Титова, № 957; однако его основная ценность состоит в том, что он представляет собой частичный автограф Димитрия Ростовского. Кроме того, нем отсутствует раздел «Четвертой тысящи шестаго ста лѣт дѣянїя», излагающий 26–32 главы Книги Бытия, что свидетельствует о более раннем времени создания списка. Наличие или отсутствие этого раздела является основным текстуальным отличием между различными списками «Келейного летописца»; в остальном же текст памятника вполне стабилен.

Наиболее значительным различием между списками является количество и качество маргинальных ссылок на источники. Лишь в немногих списках латинские маргиналии присутствуют на всем протяжении текста и достаточно полно указывают на местоположение исходной цитаты. В собрании А. А. Титова всего четыре таких списка: № 252, № 2100, № 4385, № 4985. В целом же в бытовании латинских маргиналий можно выделить несколько основных тенденций: они переводились на русский язык (фамилии авторов зачастую искажались), подвергались сокращениям (исчезали указания страниц, оставались только фамилии авторов, число ссылок во многих списках ограничивалось двумя или тремя). Однако списков, в которых ссылки отсутствуют вовсе, относительно немного. Даже до наименее эрудированных переписчиков «Келейного летописца» доносились

отголоски обширной западноевропейской традиции, на которой Димитрий Ростовский основывал свой труд.

В ряде списков сохранились владельческие записи, из которых следует, что «Келейный летописец» распространялся главным образом в среде купечества, мещанства, мелкого духовенства, крестьянства.

Издательская история «Келейного летописца» освящена в **третьем параграфе** первой главы. Первое издание «Келейного летописца» появилось в 1784 году; оно было подготовлено Н. И. Новиковым.⁹ В издании отсутствует раздел «Третьей тысящи шестаго ста лѣт дѣянiя» (очевидно, таков был состав списка, положенного в его основу); немногочисленные ссылки на русском языке ограничиваются только именами авторов.

Второе издание «Келейного летописца» было осуществлено в 1796 г. В. С. Сопиковым по рукописи РНБ, собр. А. А. Титова, № 1309.¹⁰ По цензурным соображениям изъят фрагмент раздела «Третьей тысящи шестаго ста лѣт дѣянiя», направленный против отъема церковных имений в пользу государства. В 1799–1800 гг. вышло издание, представляющее собой перепечатку второго.¹¹

На протяжении XIX в. «Келейный летописец» включался в состав четвертого тома пятитомного собрания сочинений святителя, несколькими изданиями вышедшего в Москве, в Синодальной типографии, а также в Киеве. Во всех них текст «Келейного летописца» восходит к изданию 1796 г. В один том с «Келейным летописцем» всегда включался «Синописис» Иннокентия Гизеля.

В 1862 г. М. В. Толстым был опубликован фрагмент о церковных имениях, по цензурным соображениям исключенный из издания 1796 г. и,

⁹ *Димитрий Ростовский. Летопись иже во святых отца нашего Димитрия, митрополита Ростовского.* М., 1784. XVI, 519, с.

¹⁰ *Димитрий Ростовский. Летопись иже во святых отца нашего Димитрия, митрополита Ростовского.* СПб., 1796. Ч. 1–2.

¹¹ *Димитрий Ростовский. Летопись иже во святых отца нашего Димитрия, митрополита Ростовского.* М., 1799–1800. Ч. 1–2.

соответственно, отсутствующий во всех последующих изданиях.¹² Однако в составе изданий «Келейного летописца» данный фрагмент не публиковался.

В начале XX века «Келейный летописец» был переведен на современный русский язык и включен в состав собрания сочинений Димитрия Ростовского.¹³ Этот же перевод был несколько раз переиздан в конце XX–начале XXI вв.

Непосредственно работе Димитрия Ростовского с источниками «Келейного летописца» посвящены три следующие главы, структурированные по тематическому принципу. Различные аспекты Священной истории рассматриваются в **главе 2 «Библейская история в „Келейном летописце“»**. **Первый параграф** посвящен начальному разделу памятника, трактующему различные проблемы, связанные с сотворением мира. Димитрий Ростовский последовательно рассматривает такие теологические вопросы, как время создания ангелов, причины отпадения от Бога части ангелов под предводительством Люцифера, существование земного рая после всемирного потопа, различие между образом и подобием Божиим в человеке, длительность пребывания Адама и Евы в раю. Уже в этом разделе Димитрий выстраивает довольно четкую «иерархию источников». Верхнюю позицию в ней занимает Священное Писание, далее идут богослужебные книги и жития святых, затем – сочинения Отцов Церкви и православных богословов, затем – труды христианских теологов других конфессий, а в самом низу иерархии находятся авторы-нехристиане. Первые три позиции являются наиболее авторитетными. В тех случаях, когда различные мнения по определенным спорным вопросам высказывают, с одной стороны, Отцы Церкви, а с другой – католические и протестантские богословы позднейшего времени, Димитрий Ростовский безоговорочно принимает сторону первых, к которым применяет определение

¹² О церковных именах. Из «Келейного летописца» Димитрия Ростовского // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. М., 1862. Кн. 2. Смесь. С. 40–44.

¹³ *Димитрий Ростовский*. Творения иже во святых отца нашего св. Димитрия Ростовского. СПб., [1910]. Кн. 1–10.

«достоверные». В тех же вопросах, по которым мнение Отцов Церкви отсутствует, Дмитрий Ростовский предпочитает не высказывать однозначного суждения. Непосредственным источником сведений о взглядах на сотворение мира как Отцов Церкви, так и позднейших европейских богословов для Дмитрия Ростовского выступают библейские комментарии голландского иезуита Корнелия а Лапиде.

Во **втором параграфе** рассматриваются изыскания Дмитрия Ростовского по библейской хронологии. В «Келейном летописце» сведения по данному вопросу собраны в особом разделе, представляющем собой таблицу, в которую занесены хронологические указания из славянской Библии (в московском издании 1663 г.), «русских хронографов» (Дмитрий Ростовский пользовался Хронографом в редакции 1617 г. и «Летописцем Еллинским и Римским»), а также рукописным переводом Хроники Псевдо-Дорофея), «римских хронографов» (европейских историографических сочинений на латинском языке). Основной целью составления этой «Хронологии» было не разрешить противоречия между источниками, а показать невозможность этого разрешения; впрочем, иногда Дмитрий Ростовский указывает на причины подобных расхождений: например, в «римских хронографах» 70-летнее вавилонское пленение евреев исчисляется от высылки Иехонии в Вавилон (4Цар. 24), а в «русских хронографах» – от взятия Навуходоносором Иерусалима и пленения Седекии (2Пар. 36). Обозначив хронологические расхождения между источниками, в дальнейшем Дмитрий Ростовский к ним не возвращается, излагая библейскую историю по столетиям в соответствии с традициями византийских пасхалий. В скрупулезном высчитывании точных дат библейских событий он не видит «душевной пользы».

Третий параграф посвящен рассмотрению в «Келейном летописце» вопросов библейской генеалогии и этнографии; объединение этих аспектов основано на том, что в текстах Священного писания происхождение различных народов возводится к тем или иным потомкам библейских

патриархов. Димитрий Ростовский останавливается на таких вопросах, как семейная жизнь Каина и Сифа, наличие у Адама и Евы других детей помимо Каина, Авеля и Сифа (святитель приходит к заключению, что одновременно с сыновьями у Адама и Евы рождались дочери, которые становились женами своих братьев для скорейшего приумножения человеческого рода; однако точное число детей Адама и Евы он не называет). Некоторые сведения по библейской генеалогии, предлагаемые западными авторами, Димитрий Ростовский опровергает как несоответствующие более авторитетным источником (например, упоминание в «Хронике» Иоанна Навклира четвертого сына Ноя – Иониха, родившегося после потопа). Вопрос о народах, произошедших от Сима, Хама и Иафета, Димитрий рассматривает менее подробно, нежели авторы источников (например, Георгий Кедрин в «Синописе») – за исключением вопроса о предках русского народа. Здесь святитель привлекает особенно большое число источников, в том числе таких, на которые он редко ссылается в «Келейном летописце»: например, «Хроника европейской Сарматии» Алессандро Гваньини и Густынская летопись. Он рассматривает различные версии (о происхождении русского народа от Мосоха, Фогармы и Рифата), ни одну из них не считает предпочтительной, однако выделяет в них общее: все перечисленные библейские персонажи были потомками Иафета, поэтому несомненно происхождение русского народа от Иафета. Подробно описывает Димитрий Ростовский фантастических существ, произошедших от строителей Вавилонской башни после смешения языков; в данном случае святитель следует принципу «поучать и развлекать», создавая занимательное повествование, обладающее при этом дидактической направленностью. Основными источниками по библейской генеалогии и этнографии для Димитрия Ростовского служат главным образом историографические сочинения: прежде всего «Синописис» Георгия Кедрина (в латинском переводе), «Хроника» Иоанна Навклира, «Дополнение к хроникам» Иакова Бергамского, а также «Обозрение истории» Вильгельма Стратемана,

«Хроника» Иоанна Кариона, «Сокровищница хронологии» Иоанна Генриха Альстедия, «Хроника польская» Мацея Стрыйковского. Сведения, заимствованные из этих источников, Дмитрий Ростовский компонует таким образом, что на основе их создается связный, логически выстроенный текст, обладающий стилистическим и концептуальным единством.

В четвертом параграфе проанализировано использование в «Келейном летописце» источников по библейской географии. Наиболее важным сочинением по этой теме, которым пользовался Дмитрий Ростовский, явилось «Обозрение Святой земли» Христиана Адрихомиа; в дополнение к этому источнику Дмитрий Ростовский использовал библейские комментарии Корнелия а Лапиде, «Синопсис» Георгия Кедрина, «Хронику» Иоанна Навклира, «Дополнение к хроникам» Иакова Бергамского. Дмитрий рассматривает такие вопросы, связанные с библейской географией, как местопребывание Адама и Евы после изгнания из рая, место погребения Адама и позднейших библейских патриархов, географические аспекты сюжета о Содоме и Гоморре.

Пятый параграф посвящен использованию в «Келейном летописце» святоотеческих писаний, неизвестных Димитрию Ростовскому в первоисточнике. Ссылками на Отцов Церкви ростовский митрополит пользуется с двумя целями: или для комментирования фрагментов Библии, нуждающихся в разъяснении, или для подкрепления своих нравоучительных рассуждений (второе происходит чаще). Именно такова большая часть обращений Димитрия Ростовского к библейским комментариям Корнелия а Лапиде (прежде всего к «Комментариям на Книгу Бытия»): сочинения голландского иезуита он использует главным образом как источник ссылок на «Беседы на Книгу Бытия» Иоанна Златоуста, при этом точные цитаты, приводимые у Корнелия а Лапиде, переводятся Димитрием Ростовским с латыни. Также по Корнелию а Лапиде в «Келейном летописце» приводятся цитаты и ссылки на сочинения таких авторов, как Иероним Стридонский, Аврелий Августин, Василий Великий, Григорий Великий, Ириней Лионский,

Епифаний Кипрский и др. С такой же целью Димитрий Ростовский использует и другие сочинения европейских богословов: «Нравоучительные толкования на евангельскую историю» Диего де Баэсы, «Комментарии на четыре Книги Царств» Франсиско де Медосы, «Церковные анналы» Цезаря Барония. Помимо богословских сочинений источником цитат из древних церковных писателей служит «Новейшая полиантея» – обширный свод изречений, трактующих различные понятия нравственного свойства.

В главе 3 «„Гражданская история“ в „Келейном летописце“» исследуется изложение Димитрием Ростовским так называемой «внешней истории» — истории государств Древнего Востока. Отдельное рассмотрение ее позволяет более полно охарактеризовать круг источников, использованных Димитрием Ростовским при работе над «Келейным летописцем», поскольку здесь святитель обращается к целому ряду сочинений, к которым не прибегает при изложении библейской истории.

Первоначально «внешняя история» выступает в качестве ответвления истории библейской: ее первым персонажем становится упомянутый в Быт. 10: 8-10 Нимрод, а точкой разделения истории на «внешнюю» и «церковную» служит смешение языков после строительства Вавилонской башни. Поэтому, говоря о первых вавилонских монархах, Димитрий Ростовский пытается точно выстроить их генеалогию, проследить связь с персонажами Библии и обозначить время их правления (эти изыскания рассматриваются в **первом параграфе**). Он приводит различные версии, происходящие как из многократно используемых при изложении священной истории «Синописа» Георгия Кедрина и «Хроники» Иоанна Навклира, так и сочинений, которые при рассмотрении библейской истории использовались редко или не использовались вообще: «Хронографический труд» Петра Опмеера, «Хроника» Иоанна Кариона, «Эпитома» Иоанна Клювера, «О четырех монархиях» Иоанна Слейдана, «Эпитома всемирных историй» Горация Турселлина, «Синописис всеобщей истории» Фридриха Гильдебрандта. Наиболее состоятельной Димитрию Ростовскому представляется

высказанное в «Эпитоме» Иоанна Клювера и «Хронике польской» Мацея Стрыйковского мнение, что вавилонский царь Ассур был сыном Сима и отнял власть у Нимрода, внука Хама; это мнение подтверждается Библией, согласуясь с пророчеством Ноя (Быт. 9: 24-27).

В дальнейшем события «внешней истории» Димитрий Ростовский излагает без привязки к Библии, не стремясь к определению их точной датировки. Таковы, например, различные сюжеты, связанные с началом идолопоклонства (им посвящен **второй параграф**): возведение в Вавилоне идола Бела, зарождение идолопоклонства в Египте, нравы и обычаи египетских жрецов, их спор с халдейскими жрецами. При изложении этих сюжетов Димитрий Ростовский использует свои основные методы работы с источниками: сопоставление противоречащих друг другу сведений, сообщаемых разными авторами, и определение предпочтительной версии; контаминация сведений, заимствованных из разных сочинений; использование одного сочинения в качестве основы и дополнение его сведениями из других источников. При этом Димитрий Ростовский использует уже хорошо знакомые нам комментарии Корнелия а Лапиде, «Обозрение Святой земли» Христиана Адрихомиа, «Дополнение к хроникам» Иакова Бергамского, «Хронографический труд» Петра Опмеера. Пространный рассказ об идолопоклонстве несет дидактический смысл: языческим идолам Димитрий Ростовский уподобляет греховные человеческие страсти, преодолением которых подобает заниматься христианину.

Дальнейшее содержание «внешней истории» составляет перечисление основных событий царствования вавилонских монархов, дополненное многочисленными отступлениями нравоучительного характера (об этом идет речь в **третьем параграфе**). Святитель повествует о нравах обитателей Бактрианского царства, бактрианском царе Зороастре и его тезке – персидском звездочете; наиболее колоритной фигурой среди вавилонских монархов становится Семирамида, чью историю Димитрий Ростовский

излагает по «Хронике» Иоанна Навклира с дополнениями из трудов других европейских историков (Кариона и Клювера), а также из «Ономастикона» Конрада Геснера. Прибегает Димитрий Ростовский и к некоторым сочинениям античных авторов: он пересказывает исторический анекдот о гробе Семирамиды, помещенный в «Изречениях царей и полководцев» Плутарха (непосредственным источником служит «Ономастикон» Геснера); историю амазонок, о которых святитель вспоминает в связи с Семирамидой, он излагает по высоко ценимой им «Эпитоме» позднеантичного историка Юстина (ростовский митрополит пользовался польским изданием этого труда). При изложении событий «внешней истории» Димитрий Ростовский не стремится к их точной датировке и превращает их в набор эпизодов, связанных главным образом ассоциативно. «Внешняя история» в «Келейном летописце» излагается прежде всего с нравоучительной целью.

Глава 4 «Античность в „Келейном летописце“» посвящена использованию Димитрием Ростовским античной мифологии, литературы, истории и философии. В **первом параграфе** представлены общие замечания о возрастании роли античности в культуре Петровского времени, а также обозначены цели, с которыми Димитрий Ростовский обращался к античной мифологии: стремление показать читателю «нечестие эллинских басен» и укрепить его в христианской вере, а также прояснить исторический контекст житий святых мучеников, многие из которых пострадали во времена языческого Рима.

В **первом параграфе** проведено сопоставление «Келейного летописца» с «Метаморфозами» Овидия, которые традиционно считались основным источником по античной мифологии в сочинении Димитрия Ростовского. Святителю принадлежал список русского прозаического перевода поэмы Овидия, выполненного с польского стихотворного перевода Валериана Отвиновского; помимо самого текста поэмы были переведены и обширные комментарии, которыми польский переводчик снабдил свой труд. Немногочисленные ссылки на «Метаморфозы» в «Келейном летописце»

ведут главным образом не к самому тексту поэмы, а к комментариям, причем таким, где предпринимается попытка или установить реальную подоплеку мифологических событий, или сопоставить их со Священной историей (соотношение всемирного потопа из Библии и Девкалионова потопа из «Метаморфоз»). Димитрий Ростовский придерживался так называемого евгемеровского (по имени позднегреческого философа Евгемера) подхода к античным мифам, огласно которому мифологические персонажи были действительно существовавшими в древности людьми, за свои заслуги обожествленными. Мифологический рассказ об Аполлоне и Сиринге также излагается не по самим «Метаморфозам», а по краткому изложению этого эпизода, выполненному Отвиновским. Как показано во **втором параграфе**, более существенное значение при изложении античной мифологии в «Келейном летописце» имели такие источники, как «Хроника» Иоанна Навклира и в особенности «Ономастикон» Конрада Геснера – пересказ Димитрием Ростовским многих мифов представляет собой, в сущности, конспект соответствующих статей из «Ономастикона». В некоторых случаях он компонует сведения из этих источников: например, используя в качестве основной канвы «Хронику» Навклира, он дополняет ее сведениями из «Ономастикона» Геснера. Повествуя об античной мифологии, Димитрий Ростовский использует источники самого разного характера – и хронографические сочинения, и энциклопедические статьи, и комментарии к античным текстам; сведения из этих источников он тщательно отбирает сопоставляет и взаимодополняет.

Помимо античной мифологии Димитрий Ростовский обращается к античной истории и философии, о чем говорится в **третьем параграфе**. Примеры из античной истории он использует главным образом в дидактических целях. Так, обличая прелюбодеяние, святитель излагает историю гибели Деметрия Красивого, правителя Кирены (по «Эпитоме» Юстина) и убийства Агамемнона после его возвращения с Троянской войны (которая вплоть до XVIII в. считалась не легендарным, а историческим

событием); во втором случае источниками выступают «Комментарии к Книге Притчей Соломоновых» Корнелия а Лапиде и «Ономастикон» Геснера. Неоднократно упоминаются в «Келейном летописце» римские императоры – прежде всего как гонители христианства. Через посредство более новых европейских источников Дмитрий Ростовский цитирует и некоторых античных философов (Диогена, Анахарсиса и др.); однако в целом за нравоучительными высказываниями он предпочитает обращаться к христианским писателям (прежде всего Отцам Церкви).

В **заключении** диссертации подводятся итоги исследования и делаются основные выводы о творческом методе Дмитрия Ростовского, получившем воплощение в «Келейном летописце». Сочинения европейских теологов и историков служили для него источником фактического материала, который он подвергал тщательному анализу и критическому рассмотрению, сокращал и компоновал в соответствии со своими авторскими целями; также через посредство европейских латиноязычных авторов XVI – XVII вв. Дмитрий Ростовский ссылался на писания Отцов Церкви, недоступные ему непосредственно. Определение источников «Келейного летописца» и принципов работы Дмитрия Ростовского закладывает перспективы для дальнейшего исследования памятника и прежде всего – для подготовки его комментированного критического издания.

**Основные положения диссертации получили отражение в
следующих статьях:**

в изданиях, рекомендованных ВАК:

1. «Келейный летописец» Дмитрия Ростовского и «Словарь личных имен» Конрада Геснера // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2013. № 3(53). С. 29–30.
2. «Келейный летописец» Дмитрия Ростовского и «Метаморфозы» Овидия // Русская литература. 2014. № 2. С. 213–222.
3. «Келейный летописец» Дмитрия Ростовского и «Всемирная хроника» Иоанна Навклира // Вестник Православного Свято-Тихоновского

гуманитарного университета. Серия III: Филология. 2014. Вып. 3(38).
С. 51–68.

В прочих изданиях:

1. Издания «Келейного летописца» святителя Димитрия Ростовского // Звезда от Киева воссиявшая. Почитание святителя Димитрия Ростовского: история и современность. М., 2013. С. 89–97.
2. «Начало Вавилонского царства и монархии ассирийской» в «келейном летописце» Димитрия Ростовского: латинские источники // Чтения Отдела русской литературы XVIII века. Вып. 8: Русская литература XVIII столетия в науке XX века. Неолатинская гуманистическая традиция и русская литература конца XVII – начала XIX веков. СПб., 2018. С. 202–215.
3. Библейская география в «Келейном летописце» Димитрия Ростовского: западные источники // Словесность и история. 2020. № 1. С. 153–156.
4. Димитрий Ростовский и испанские иезуиты (о некоторых источниках «Келейного летописца») // Пространство безграничной словесности: Сборник статей к 70-летию В.Е. Багно. СПб., 2021. С. 79–89.